

В.В. Балановский

И. Кант и К.Г. Юнг о невозможности научной психологии

Балановский Валентин Валентинович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Балтийский федеральный университет имени И. Канта. Российская Федерация, 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14; e-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

Целью данной статьи является демонстрация сходства философских подходов Канта и Юнга к решению проблемы возможности построения психологии как точной науки, что позволяет эксплицировать, каким представляется будущее психологии этим двум мыслителям. Таким образом, в статье предлагается вариант решения методологической задачи, указывающей возможные перспективы в развитии философии и научной психологии. Для достижения поставленной цели автор предпринимает попытку прояснить суть возражений Канта и Юнга против возможности создания научной психологии, а также отыскать в трудах мыслителей указания на способы преодоления ими же сформулированных принципиальных затруднений. В качестве основных методов при этом использовались экспликация, реконструкция и сравнительный анализ взглядов Канта и Юнга. В ходе исследования установлено, что Кант и Юнг выделяют одни и те же ключевые проблемы, мешающие психологии стать точной наукой. К ним относятся: 1) совпадение субъекта и объекта этой дисциплины; 2) невозможность применения к исследованию психики количественных математических методов; 3) нерешенность и нерешаемость вопроса о психофизическом параллелизме. Вместе с тем и Кант, и Юнг указывают возможности преодоления сформулированных ими затруднений – через отыскание принципа связи и взаимовлияния психического и физического.

Ключевые слова: И. Кант, К.Г. Юнг, наука, эмпирическая и рациональная психология, аналитическая психология, математические методы в психологии

Одним из важнейших этапов в становлении научной психологии, который принято считать началом ее выделения из корпуса философских наук в самостоятельную дисциплину, является, как полагают некоторые исследователи [Wilber, 2000, VIII], выход в свет в 1860 г. труда шеллингианца Г.Т. Фехнера «Элементы психофизики» [Fechner, 1860]. Революционность идей, содержащихся в его книге, заключалась в том, что впервые к такому, казалось бы, неуловимому и сложному образованию, как душа человека, были применены математические методы исследования. Таким образом, было показано, что психика может стать объектом изучения точной науки, использующей инструментарий, до этого считавшийся годным только для естествознания. В связи с этим открываются слова И. Канта о том, что «в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики»¹ [Кант, 1994б, с. 251; Kant, 1903, S. 470], и сле-

¹ Вероятно, в приведенном переводе есть опечатка. В конце цитаты должно быть не «в ней», а «в нем», то есть в *учении о природе*. Ср.: “Ich behaupte aber, daß in jeder besonderen Naturlehre nur so viel eigentliche Wissenschaft angetroffen werden könne, als darin Mathematik anzutreffen ist”.

дующий за данным фрагментом текст, в котором критикуется возможность в строгом смысле научного эмпирического или экспериментального учения о душе [там же, с. 251–253; *ibid.*, S. 470–472]. Причем возражения Канта носят принципиальный, а не инструментальный или исторический характер, как если бы с совершенствованием методов измерения с течением времени психология когда-нибудь могла стать наукой в строгом смысле этого слова. Неужели Фехнеру или последующим поколениям теоретизирующих и практикующих ученых удалось преодолеть сформулированные основателем немецкой классической философии методологические ограничения? Для ответа на этот вопрос интересными представляются идеи известного швейцарского мыслителя, психиатра, создателя аналитической психологии К.Г. Юнга, который, несмотря на достижения в научной психологии, в том числе экспериментальной, разделял позицию Канта, хотя и приводил несколько иную аргументацию.

Предварительные замечания

Проблема научности психологии чрезвычайно многогранна, поэтому далее придется ограничиться лишь несколькими общими предварительными замечаниями.

Первое замечание связано с трудностью в определении критериев научности для той или иной сферы интеллектуальной деятельности, в данном случае – психологии. Трудность решения этого вопроса заключается в том, что критерии научности сильно изменились за последние три столетия, и те критерии, которыми руководствовались Кант и его современники, отличаются от тех, на которые ориентировались Юнг и его коллеги, и уж тем более – от представлений о научности современных психологов и философов, которые в решении этого вопроса далеки от единства. Все это чрезвычайно затрудняет выбор «системы координат» для адекватного анализа проблемы, поставленной в настоящей статье, и может вызвать подозрение, что историко-сравнительный метод, выбранный в качестве инструмента анализа, здесь неприменим ввиду невозможности найти общее основание для сопоставления и сравнения кантовских и юнговских суждений о научности психологии. Однако это не так. Такое основание есть. Критерий, который соблюдается в строгих науках и к которому обращались и Кант, и Юнг в своих попытках прояснить научный статус психологии, – это применимость математических количественных методов к познанию предмета той или иной науки. Дискуссии о возможности применения такого критерия к психологии продолжаются до сих пор [см., например: Барабанщиков, 2011, с. 12–14]. Одним из важных аспектов данной проблемы является определение единицы измерения (как, например, единицы измерения силы в физике), с помощью которой описание любого исследуемого явления поддается формализации.

Второе замечание касается того, что решение вопроса о научности психологии в некотором смысле находится в прямой зависимости от решения проблемы психофизического параллелизма, которая рассматривается в другой статье [Балановский, 2015б]. Пока в этом споре не будет поставлена точка, не станут в полной мере удовлетворительными аргументы тех, кто полагает, что психическое можно свести к физиологическому. Физиологические параметры, такие как кривая пульса, дыхания и психогальванический эффект, ученые научились считать и интерпретировать сравнительно давно, используя при этом согласованный математический аппарат и точный инструментарий, – именно этим открытиям обязан своим появлением, например, полиграф. Однако тот же Юнг не склонен был рассматривать данные «детектора лжи» в качестве достоверного источника информации о состоянии психики [Юнг, 2008в, с. 20], так как полиграф фиксирует только состояния тела.

То, что проблема психофизического параллелизма так просто не решается, стало очевидно еще на стадии возникновения эмпирической и рациональной психологии. В середине XVIII в. Ф.Х. Баумейстер писал, что вопрос о том, тело ли управляет

душой или душа телом и как это происходит, может быть решен несколькими способами, и не совсем ясно, какой из них правильный [Baumeister, 1789, p. 296–298, 310–319]. Кант вполне соглашался с позицией вольфианцев от Баумейстера до И. Изелина и Й. Маурера: вопрос о характере взаимодействия души и тела не может быть решен [Васильев, 2010, с. 388]. Тут только остается удивиться проницательности Вольфа и его последователей. Причем это касается не только вопроса о психофизическом параллелизме, но и вообще дальнейших тенденций развития психологии.

Так, Вольф, опираясь на выдвинутое Лейбницем предположение о наличии бессознательных элементов, влияющих на сознание, – «малых» или «незаметных» восприятий (*petites perceptions, perceptions insensibles*) [Leibniz, 1921, p. 15–18; Лейбниц, 1983, с. 54–59], – продолжил готовить почву для появления философии и психологии бессознательного и ввел в научный оборот такое понятие, как «темные представления» (*dunkle Vorstellungen*) [Wolff, 1738, S. 594], которым оперирует и Кант². В свою очередь Э. Платнер, двигаясь в обозначенном Лейбницем и Вольфом русле, не только разрабатывает концепцию темных представлений [Nicholls, Liebscher, 2010, p. 10], но и является, по мнению некоторых исследователей [Grau, 1922, S. 63], автором, впервые употребившим на немецком языке близкий по смыслу понятию «бессознательное» термин «*Unbewußtseyн*» [Platner, 1776, S. 9]. Кстати, Кант был знаком с этим трудом и даже отмечал в своих «Пролегоменах...» точность одного из афоризмов Платнера о том, что непонятное существует не в разуме, а в действительном [ibid., S. 229].

Третье замечание состоит в том, что еще более серьезным препятствием на пути к созданию научной психологии остаются сформулированные Кантом затруднения. Их «сердцевину» составляет тезис о невозможности применения математического аппарата к изучению души. С данным положением, как это ни парадоксально, согласен и Юнг. Несмотря на то, что он прославился как психиатр-практик и представитель научной психологии, сделал свои базовые открытия на основе анализа богатейшего эмпирического, в том числе – экспериментального материала, он пишет о невозможности использования количественных математических методов в психологии (особенно при изучении бессознательного)³ и уж тем более выстраивания психологии по образцу физики. Тем самым он разделяет пессимизм Канта по поводу перспектив построения научной эмпирической психологии. В частности, Юнг с сожалением пишет, что за все время развития психология так и не сформировала согласованного математического аппарата, поэтому «все ее расчеты субъективны и пристрастны» [Юнг, 2008б, с. 239]. Кроме того, осмысливая еще одну ключевую проблему – совпадения объекта и субъекта в процессе изучения психики, – он не без иронии замечает, что если бы физика оказалась в ситуации психологии, то «она бы не смогла ничего сделать, за исключением того, чтобы предоставить физический процесс в распоряжение самих приборов, которые следили бы за их протеканием» [там же].

Вместе с тем было бы несправедливым сказать, что третье замечание в полной мере исчерпывает всю глубину затрагиваемых Кантом и Юнгом аспектов невозможности построения научной психологии, а также всего спектра обнаруживающихся в связи с этим интересных параллелей во взглядах обоих мыслителей. Поэтому ниже данный вопрос будет рассмотрен более подробно.

Кант о невозможности научной психологии

Прежде чем начать обсуждение проблемы научности психологии, нужно сделать две оговорки.

² См., напр.: [Кант 1994а, с. 151–152; Кант, 1907, S. 135] и [Кант 2000, с. 140; Кант, 1821, S. 135].

³ См., напр.: [Юнг, 2008б, с. 236–237; Юнг, 2008в, с. 16–17].

Во-первых, когда Кант говорит о невозможности психологии как науки, речь идет об эмпирической психологии, поскольку в отличие от нее рациональная психология строится на несколько иных основаниях: из опыта эта дисциплина берет лишь тот простой факт, «что у нас есть душа», а во всем остальном представляет собой «метафизическое познание души» [Кант, 1999, с. 114; Kant, 1821, S. 197].

Довольно подробно разница между эмпирической и рациональной психологией рассмотрена в монографии В.В. Васильева. Согласно Васильеву, эмпирическая психология «показывает, как применяются способности, а не как они должны применяться» [Васильев, 2010, с. 337]. Принципы для нее задает «рациональная психология в ее естественнонаучной функции» [там же, с. 336]. Строится эмпирическая психология всецело на опыте, который не дает аподиктической достоверности.

Помимо этого, под термином «эмпирическая психология» подразумеваются «две разные дисциплины: учение о каузальной связи явлений внутреннего опыта и дескриптивная наука о всеобщих формах внутреннего опыта, т. е. о душевных способностях. Говоря о специфике эмпирической психологии, Кант апеллирует к первой, но практикует вторую» [там же, с. 338]. Первую Васильев предлагает для ясности именовать синтетической эмпирической психологией, вторую – аналитической [там же]. Впоследствии эмпирическая психология у Канта трансформируется в дисциплину под названием «антропология», к чтению приватных лекций по которой он приступил в зимнем семестре 1772–1773 гг. [там же, с. 339]. В основу курса лег раздел «Метафизики» А.Г. Баумгартена, посвященный эмпирической психологии [Wilson, 2006, p. 21; Васильев, 2010, с. 328–329; 339].

Во-вторых, Кант говорит о невозможности психологии как науки в собственном смысле (*eigentliche Wissenschaft*) [Кант, 1994б, с. 249; Kant, 1903, S. 468], т. е. обладающей аподиктической достоверностью, которая задается наличием в ней чистой части, содержащей априорные, без примеси чего бы то ни было эмпирического, принципы [там же, с. 249–250; *ibid.*, S. 468–469]. В свою очередь, «познание, способное иметь лишь эмпирическую достоверность, есть знание лишь в несобственном смысле» [там же, с. 249; *ibid.*, S. 468]. **И можно было бы закончить рассмотрение основного вопроса** этого раздела, посчитав, что уже само наименование дисциплины «эмпирическая психология» несет в себе аналитическую истину о ее невозможности как науки в собственном смысле. Но ведь Кант пишет также о том, что науки бывают разные, в том числе эмпирические. Кроме того, чуть больше чем за десять лет до выхода «Метафизических начал...» в предисловии к лекциям по психологии он утверждал, что психология – это «физиология внутреннего чувства или мыслящих существей» [Кант, 1999, с. 138; Kant, 1821, S. 130], а физиология вполне подпадает под некоторые кантовские критерии научного знания, к которым, в частности, относится систематичность. Так, может, в системе Канта есть шанс и у эмпирической психологии?

Возражения Канта против возможности научной психологии в общих чертах сводятся к двум основным методологическим моментам: проблеме совпадения субъекта и объекта исследования и невозможности применить математические методы к явлениям внутреннего чувства⁴.

По первому пункту Кант безапелляционно заявляет, что другой мыслящий субъект – очень неподходящий объект для эмпирического исследования, «не говоря уж о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета» [Кант, 1994б, с. 253; Kant, 1903, S. 471].

⁴ Внутреннее чувство – способ, каким субъект «созерцает самоё себя или своё внутреннее состояние» [Кант, 2006, с. 92–93]. Формой внутреннего чувства является время [там же, с. 108–109], и потому предметы внутреннего чувства (содержания психики, не относящиеся к продуктам созерцания объектов внешнего мира) не могут сделаться наглядными, т. е. не могут быть изображены в пространстве, что, в свою очередь, необходимо, если мы хотим заниматься наукой в собственном смысле [Кант, 1994б, с. 252; Kant, 1903, S. 471]. **Но поскольку внутреннее чувство тесно связано с трансцендентальным единством самосознания, без которого немислимо обособленное «я», а значит, психика как таковая, то сложности изучения внутреннего чувства автоматически становятся сложностями постижения души.**

Со вторым возражением Канта все несколько сложнее. После прочтения «Метафизических начал...», казалось бы, складывается довольно однозначное впечатление о невозможности эмпирической научной психологии, причем не только как науки в собственном смысле, но даже как систематического искусства или экспериментального учения, которым является, по Канту, «ненаука» химия [Кант, 1994б, с. 252; Kant, 1903, S. 470–471]. Причем химии Кант дает больше шансов на превращение в будущем в полноценную науку, чем психологии. Для этого нужно найти поддающееся конструированию понятие, которое описывало бы взаимодействие химических веществ, чтобы можно было установить закон сближения и удаления химических элементов, «согласно которому движения их вместе с их результатами могли бы быть а priori сделаны наглядными и изображены в пространстве» [там же; *ibid.*].

Согласно первой базовой формулировке Канта, психология как наука невозможна в силу того, что «математика неприменима к явлениям внутреннего чувства и к их законам» [там же, с. 253; *ibid.*, S. 471]. Более того, согласно второй формулировке о ненаучности психологии, «даже в качестве систематического искусства анализа или в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может быть здесь расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению»⁵ [там же, с. 253; *ibid.*, S. 471]. Отсюда следует строгий вердикт Канта о том, что «учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение, и – как таковое в меру возможности – систематическое естественное учение о внутреннем чувстве, то есть естественное описание души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением» [там же; *ibid.*]. Для усиления эффекта Кант подчеркивает, что, исходя именно из последнего тезиса, он поместил в название труда «Метафизические начала естествознания» термин “*Naturwissenschaft*”, чтобы ограничить предмет рассмотрения только учениями, которые исследуют тела – и ни в коем случае не душу и дух [там же; *ibid.*].

Вместе с тем, как справедливо отмечает Васильев, «аналитическая эмпирическая психология дает материал для всех разделов трансцендентальной философии... берет в системе Канта на себя роль базисной, фундаментальной науки» [Васильев, 2010, с. 334]. Кант, видимо, в какой-то мере осознавал свое несправедливое отношение к эмпирической психологии и, вероятно, поэтому все же указал «игольное ушко», пройдя через которое она могла бы превратиться в науку.

Так, в первой формулировке Кант пишет, что математика неприменима к внутреннему чувству, «если только не пожелают применить к потоку внутренних его изменений закон непрерывности; однако подобное расширение познания относилось бы к тому расширению познания, которое происходит на основе математики в учении о телах, примерно так же, как учение о свойствах прямой линии относится ко всей геометрии в целом» [Кант, 1994б, с. 253; Kant, 1903, S. 471]. Это кантовское замечание имеет важные следствия. Здесь уместно снова обратиться к Васильеву, который отмечает, что в «Критике чистого разума» закон непрерывности тесно связан с основоположениями чистого рассудка и, следовательно, закон этот применим к внутреннему чувству, а значит, «априорное познание души как явления все-таки возможно» [Васильев, 2010, с. 336], иначе категории не имели бы общезначимости. Отсюда следует, что «к явлениям внутреннего чувства должны быть применимы все априорные понятия рассудка, за исключением, возможно, субстанции и взаимодействия» [там же]. Получается, и у эмпирической психологии гипотетически может быть своя априорная чистая часть, ос-

⁵ Анализируя это утверждение, Э.Ф. Бухнер подчеркивает, что «Кант всегда оставался выдающимся сторонником точки зрения о ничтожности интроспекции и несостоятельности применения точных методов к изучению внутреннего опыта» [Buchner, 1897, p. 49]. При этом Бухнер делает оговорку, что Кант не мог иметь в виду интроспекцию или самонаблюдение в том систематизирующем данных смысле, в котором этот термин употребляется сегодня [*ibid.*, p. 47].

нованная на применении закона непрерывности к явлениям внутреннего чувства, что позволяет ей обладать даже неким математическим аппаратом. Таким образом, эмпирическая психология фактически использует оставленный Кантом шанс на придание ей статуса науки, хотя, конечно, само по себе применение точных методов к явлениям внутреннего чувства не дает гарантии решения проблемы, связанной с невозможностью расчлнять многообразие внутренних наблюдений.

В других работах Канта также можно найти некоторые указания на невозможность поставить окончательную точку в вопросе о научности психологии, хотя бы в силу того, что у человека есть и тело, и душа и находятся они во взаимодействии, характер которого, правда, до конца не ясен. Так, в предисловии к лекциям по психологии он пишет о природе «Я», что «Я может браться в двояком смысле: Я как человек и Я как интеллигенция. Я как человек есть предмет внутреннего и внешнего чувства. Я как интеллигенция есть предмет только внутреннего чувства» [Кант, 2000, с. 138; Kant, 1821, S. 131]. Почти дословно это утверждение встречается еще раз в разделе о рациональной психологии [Кант, 1999, с. 116; Kant, 1821, S. 200–201]. Кроме того, утверждает Кант, «душа не просто мыслящая субстанция, но такая, которая составляет единство в сочетании с телом» [Кант, 2000, с. 138; Kant, 1821, S. 131]. Характер их взаимодействия определяется тем, что «изменения тела одновременно являются изменениями души, а изменения души – изменениями тела» [там же, с. 160; *ibid.*, S. 189]. **Соответственно, путь к психологии как науке в будущем может быть проложен через изучение физиологических процессов, что, например, пытаются делать современные нейрофизиологи.**

Следует отметить, что в более поздние годы Кант не менял своей позиции о наличии тесной связи тела и психики. Так, в письме С.Т. Земмеррингу от 10.08.1795 г. («Об органе души») Кант отмечает, что исследование души должно вестись в границах заведования медицинского и философского факультетов [Кант, 1994с, с. 219; Kant, 1902, S. 31], так как она, с одной стороны, имеет способность воспринимать чувственные данные, а с другой – сообщать движущую силу. Однако в вопросе определения места нахождения души согласия между данными факультетами не будет, и проблемы этой лучше не касаться, поскольку «такое понятие придает вещи (т. е. душе. – В.Б.), которая есть лишь объект внутреннего чувства и потому может быть определена только в условиях времени, локальное присутствие, то есть отношение к пространству; тем самым оно противоречит самому себе» [там же, с. 220; *ibid.*, S. 31–32]. Но как тогда решить вопрос о взаимодействии тела и души, если даже невозможно указать ее локацию, т. е. точку ее сопряжения с телом или некий орган, в котором душа обитает, доступные естественнонаучному изучению? Похоже, что ответа на этот вопрос также не существует. Поэтому не только в споре о локации души никогда не будет согласия факультетов, но также и в более глобальном диспуте о характере связи души и тела. Поэтому напрашивается вывод, что в позднем творчестве Кант предпочитает не касаться не только проблемы «органа» души, но психофизического параллелизма в целом.

Заметка «Об органе души» интересна еще и тем, насколько ярко в ней отражена проступающая с течением времени уклончивость Канта во всем, касающемся фундаментальных психологических проблем. В одном из примечаний он проводит четкую демаркационную линию между тем, что может быть объектом рационального последовательного исследования, а что нет, различая два смысла, которые таятся в понятии души. Он говорит, что «под душой следует понимать лишь способность суммировать данные представления и создавать единство эмпирической апперцепции (*animus*), а не субстанцию (*anima*) в ее полностью различной от материи природе» [там же, с. 220–221; *ibid.*, S. 32]. Таким образом, получается, что учение об анимусе им было развито и завершено прежде всего в «Критике чистого разума», в то время как проблема анимы так и не вышла за пределы подготовленных в докритический период лекций по психологии, по крайней мере, в том их варианте, который дошел до нас.

Вместе с тем, в связи с решением вопроса о возможности применения количественных методов в психологии, нельзя обойти вниманием ранний труд Канта, который больше чем на сотню лет опередил открытие механизма вытеснения одних содержаний сознания другими в подсознательные области. Речь идет о его книге «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763). В этом труде Кант рассматривает феномен забывания через призму закона сохранения [Кант, 1994в, с. 72–76; Kant, 1904, S. 194–197], что позволяет говорить не об исчезновении одних содержаний сознания, когда их затмевают другие – более актуальные или яркие, а об их отрицательном возникновении, используя аналогию с отрицательными величинами в математике [там же, с. 67; *ibid.*, S. 190]. Именно фактическим «исчезновением» этих содержаний объясняется то, что они не пропадают и мы в состоянии их впоследствии снова воспроизводить в нашем сознании, достав из памяти.

Таким образом, нельзя с полной уверенностью сказать, что у Канта была до конца устоявшаяся позиция относительно возможности или невозможности применения математических методов к изучению души и, соответственно, эмпирической психологии как науки. Если в «Опыте о болезнях головы» (1764) и «Грезах духовидца...» (1766) он предстает сторонником физиологического детерминизма психических процессов, что вполне согласуется с естественнонаучной картиной мира, а в «Метафизических началах естествознания» (1786) высказывается категорически против эмпирической психологии как науки, то уже в рассуждениях «Об органе души» (1795) он находит точку равновесия, считая, что этих вопросов лучше не касаться и ограничиться только критической метафизикой. Эти искания, так и не давшие окончательного решения проблемы, привели к тому, что мировая мысль зашагала семимильными шагами как раз туда, где когда-то Кант четко обозначил тупики, – и открыла новые перспективы. Так было с химией, для которой Д.И. Менделеев указал априорный принцип построения системы элементов, после чего химия стала не просто точной наукой, а одним из важнейших факторов развития технологий, определяющих нашу жизнь. Это же произошло и с логикой, которую Кант «приговорил» к вечной стагнации. Но так ли повезло психологии? Обратимся за ответами к Юнгу.

Юнг о невозможности научной психологии

О том, какое отношение Кант, посвятивший жизнь изучению сознания и границ человеческого разума и разумности, имеет к философии и психологии бессознательного, довольно подробно рассказывается в двух коллективных монографиях⁶. Изложенные в них результаты исследований позволяют с высокой степенью уверенности утверждать, что в наибольшей мере развитие представлений о бессознательном в XIX в. определили Лейбниц и Кант [Nicholls, Liebscher, 2010, p. 9]. Что же касается того, какое отношение Юнг имеет к Канту, вкратце отмечу⁷, что роднит этих двух мыслителей априоризм, давший всходы в учении Юнга об архетипах коллективного бессознательного, которые суть априорные условия возможности психического опыта; общая методологическая установка с четким определением границ конститутивного и регулятивного употребления понятий и идей и тяготением к своеобразному эпохе, когда приходится иметь дело с рефлексивной способностью суждения; отрицание существования врожденных идей; стремление найти опосредующее звено между знанием практическим и теоретическим, что у Канта вылилось в учение о способности суждения, а у Юнга – в представление о психодном факторе (или трансцендентных материи и духе) и синхронистичности.

⁶ См.: [Nicholls, Liebscher, 2010] и [Giordanetti, Pozzo, Sgarbi (eds.), 2012].

⁷ См. подробнее: [Балановский, 2015а].

Ко многим сходствам в идеях Канта и Юнга добавляется их единодушие в отрицании возможности научной психологии, причем их аргументы хоть и различаются (как и состояние современной им науки), но в общих чертах (а порой даже в деталях) они подобны.

Начать следует с того, что Юнг, как и Кант, говоря о невозможности психологии как науки, выделяет те же две фундаментальные проблемы: совпадение субъекта и объекта и невозможность применения математических количественных методов для изучения психического. Ранее уже были приведены некоторые юнговские аргументы, которых на самом деле очень много, и встретить их в той или иной форме можно в совершенно разных трудах. Приведу еще несколько характерных примеров.

Имея в виду проблему совпадения субъекта и объекта исследования, Юнг пишет, что «для психологии не существует среды, в которой она могла бы отражаться: она может только изображать себя в себе и описывать саму себя» [Юнг, 2008б, с. 240]. Поэтому он вынужден определить ее как «вхождение психического процесса в сознание, а не, в широком смысле, объяснение этого процесса, поскольку нет предположения, как психическое может быть чем-то другим, кроме самого психического процесса. Психология обрекает себя на исчезновение в качестве науки, и в этом отношении она точно достигает своей научной цели» [там же, с. 246]. В этом фрагменте выражена чрезвычайно характерная для Юнга позиция. В его представлении психология – это не что-то абстрактное, некая школьная дисциплина или точная, безразличная к своему предмету наука, а цель, путь и суть психического процесса. Именно поэтому последнее предложение в приведенном отрывке имеет, на первый взгляд, форму буддистского коана или хайдеггеровского высказывания. Однако Юнг действительно видит цель психологии как науки в раскрытии сущности психического процесса, но она достигается только в самом психическом процессе, по отношению к которому нет ничего внешнего. Конечная цель – индивидуация – особая стадия развития души, при которой происходит конструктивная интеграция сознательных и бессознательных содержаний [там же, с. 247].

Закрепляя результаты антропологического поворота, совершенного Кантом, а также следуя его концепции внутреннего чувства, Юнг говорит о психической реальности – *esse in anima* – как о «единственной форме бытия, которую мы можем переживать непосредственно. Мы не можем выделить ни одной формы бытия, которая не являлась бы психической в первую очередь» [Jung, 1992, p. 60]. Даже «математическое мышление – это также психическая функция» [Юнг, 2008б, с. 240].

Развивая аргумент Канта о том, что в процессе познания души наблюдение искажает наблюдаемое, Юнг распространяет его и на материю. Он говорит, что «психическое – это опорная точка мира: оно является не только одним из важнейших условий существования мира в целом, но также вмещается в существующий естественный порядок, и никто не может с определенностью сказать, каковы границы этого вмешательства» [там же]. Поэтому Юнг настаивает на необходимости создания новой модели бытия, учитывающей тотальное проникновение психического фактора во всю ткань сущего и «неконтролируемое влияние наблюдателя на наблюдаемую систему, в результате чего реальность иногда теряет свой объективный характер и к картине мира физиков присоединяется субъективный элемент» [там же, с. 252]. Кстати, юнговская идея о том, что психика влияет на материю, причем не только «стандартным», но и акаузальным – синхронистическим – вневременным и внепространственным образом, позволила найти точки соприкосновения аналитической психологии и квантовой физики, что отразилось в идеях В. Паули и П. Йордана [Jung, 1980, p. 473].

Что касается возражения против возможности научной психологии, основанного на установлении принципиальной неприменимости количественных методов измерения к психическим процессам, то на этот счет Юнг высказывается не менее категорично, чем Кант. В первую очередь это связано с особенностями бессознательных областей психики. В частности, Юнг поясняет, что «нельзя психологические

теории формулировать математически, поскольку мы не имеем единицы измерения, с помощью которой можно было бы оценивать количество психического. Мы можем опираться только на качественные его характеристики, то есть на ощутимые, познаваемые явления. Соответственно, психология лишается права делать какие-либо обоснованные утверждения о состоянии бессознательного – другими словами, маловероятно, что какое-либо утверждение о состояниях или процессах в бессознательном будет когда-либо обосновано научно» [Юнг, 2008б, с. 236–237]. В этом кроется главное различие физики и психологии, так как «физики определяют количества и их соотношения; психологи определяют качества, не будучи способными измерить количество» [там же, с. 255]. Правда, Юнг заостряет внимание на том, что, невзирая на эти трудности, «и психологи, и физики приходят к очень близким идеям» [там же]. Раз так, то, может быть, Юнг, как и Кант, предусматривает какую-то возможность превращения психологии в науку при соблюдении определенных условий? Но не будем забегать вперед.

Юнг говорит, что «в психологии точное измерение количеств заменяется приблизительным определением степеней интенсивности, для чего, в противоположность физикам, мы заручаемся поддержкой чувственной (оценочной) функции» [там же, с. 256]. Чтобы в такой ситуации психология стала наукой, Юнг вслед за Н.Я. Гротом [Grot, 1898, S. 266] утверждает, что для этого нужно рассматривать психическое в динамике, «чтобы к нему была применима формула энергии» [Юнг, 2008б, с. 256]. Только тогда для изучения станет доступным некий количественный аспект психического. Однако все равно главной трудностью психологии остается то, что невозможно выйти за границы психического процесса и перевести его в более удобную для стороннего изучения среду.

Тем не менее, подобно Канту, Юнг предполагает возможность для психологии стать полноценной наукой. Годы наблюдений привели его к мысли, что «психическое – это не хаос... а объективная реальность» [там же, с. 255], которая может быть исследована естественнонаучными методами. В одной из своих статей он вообще утверждает, что аналитическая психология – это не вид мировоззрения, а наука [Юнг, 2008а, с. 421]. Здесь, правда, нужно пояснить, что аналитическая психология в данном контексте называется наукой только лишь для того, чтобы осадить тех, кто слишком догматически воспринял психологию в качестве пути к саморазвитию. Юнг не без иронии замечает, что «немало людей сегодня видят в аналитической психологии мировоззренческие черты. Хотелось бы мне быть одним из них, потому что тогда я был бы избавлен от необходимости проводить трудоемкие исследования и от сомнений и смог бы предельно ясно и просто указать путь, ведущий в рай» [там же].

Другой момент, явно указывающий на возможность научной психологии, как и у Канта, связан с тем, что дух и материя находятся в теснейшем взаимодействии. Большим подспорьем в этом плане стала концепция Юнга об *unus mundus* [Юнг, 1997, с. 569–579]. Общий смысл этой идеи, позаимствованной у алхимиков, сводится к тому, что физические и психические процессы управляются едиными принципами, так как протекают в изначально едином мироздании, где разделение на физическое и психическое является скорее результатом ограниченности нашего восприятия. Однако на то, что «непсихическое может проявлять себя подобно психическому, и наоборот» [Юнг, 2008б, с. 238], указывает феномен наличия акаузальной связи между содержаниями психики и событиями физического мира, названный Юнгом синхронистичностью.

Конечно, из-за необходимости иметь дело с синхронистичностью точность психологии как науки может пострадать. Однако поскольку душа – это не материальная точка, движущаяся равномерно и прямолинейно в вакууме, то и требования к ее доскональному изучению должны быть несколько иными. Здесь Юнг призывает на помощь Канта. Ведь несмотря на то, что психическое не познается как пред-

мет естественных наук, психология вполне может довольствоваться пониманием⁸. В этом плане, пишет Юнг, «Кант дает весьма глубокое определение “понимания”»: он говорит, что оно состоит в постижении вещи в той мере, которая достаточна для данной цели» [Jung, 1982, p. 181], а психология как путь раскрытия психического как раз имеет своей целью индивидуацию, давая достаточно материала, необходимого для понимания.

Последний важный аспект, который хотелось бы здесь отразить, состоит в том, что, подобно Канту, Юнг видел будущее психологии как точной науки в отыскании возможности указания априорного созерцания психических процессов в пространстве, несмотря на то, что они протекают, согласно Канту, только в одном измерении – времени.

Дело в том, что на Юнга оказали влияние представители энергетизма, прежде всего Грот. Энергетизм занимает важное место среди юнговских идей, начиная от выхода в свет статьи «О психической энергии» (первая версия датируется 1912 г.), где они были сформулированы впервые, вплоть до публикации в 1947 г. работы «О природе психического» (переиздана в 1954 г.). Объяснить такую преданность Юнга данной концепции можно, только предположив, что зрелый Юнг пытался обойти наложенное Кантом ограничение на математическое познание внутреннего опыта, связанное с тем, что внутреннее чувство может быть дано только во времени, а для науки в строгом смысле требуется указать созерцание в пространстве. По Юнгу, только применение формулы энергии к психическим процессам может решить эту задачу, поскольку «масса и энергия обладают одной природой» и из этого вытекает, что «понятия массы и скорости вполне применимы для характеристики психического в той мере, в какой оно проявляет себя в пространстве» [Юнг, 2008б, с. 256]. Здесь, правда, следует оговориться, что даже если психологам удастся указать принцип представления психических процессов в пространстве, то нужно будет придумать, что же делать с синхронистичностью и соответственно вневременностью и внепространственностью психического, как оно есть, а не как оно является. С другой стороны, вопрос этот не слишком актуален, так как выходит за пределы трансцендентального и стремится в область трансцендентного, поскольку его решение связано с психойдным фактором⁹, очерчивающим границу феноменального мира и, перефразируя Канта, сферу возможного психического опыта.

Юнг прекрасно понимает, что буквальное соответствие между положениями психологии и физики установить невозможно. Однако изучение существующих между ними аналогий имеет большой эвристический потенциал, и сами эти аналогии «достаточно значимы для того, чтобы служить поводом для серьезного обсуждения» [там же, с. 257].

Вместе с тем, согласно Юнгу, на тот момент серьезно обсуждать было нечего: он весьма невысоко оценивал уровень развития современной ему психологии как науки. Он сравнивал ее то с медициной XVI в., когда еще не было физиологии [Юнг, 2008г, с. 400], то вообще с естествознанием XIII в. [там же], когда только начали проводить первые эксперименты.

На чем же следует сконцентрироваться будущим исследователям психологии? Юнг дает только общий принцип, отмечая, что если в конце XIX – начале XX столетия психология больше внимания уделяла физиологическому детерминизму психи-

⁸ По крайней мере, Юнгу представляется, что именно Кант и именно таким образом определял понимание.

⁹ *Психойдное* или *психойдный фактор* – это, согласно Юнгу, *трансцендентное психическое*, одной своей границей соприкасающееся с материей, другой – с чистым духом [Юнг, 2008б, с. 239]. Точнее, это и есть сама граница, так как живая и неживая материя доступна нашему непосредственному наблюдению и исследованию; равно как и «духовные» конструкты, такие как идеи или абстрактные понятия, также доступны изучению, в то время как психойдный фактор находится за рамками возможного познания.

ческих процессов, то задача будущей психологии состоит в том, чтобы исследовать, как психические процессы регламентируются духом [там же], т. е., например, архетипами и архетипическими сюжетами.

Заключение

Вопрос научности и принципиальной возможности научной психологии в трудах Канта и Юнга рассматривается в эксплицированном виде. И при беглом анализе кажется очевидным, что оба мыслителя дают однозначно отрицательный ответ на поставленный вопрос, причем по похожим основаниям.

Во-первых, становлению психологии как точной науки препятствует совпадение субъекта и объекта этой дисциплины, что, в частности, делает невозможным даже такую фундаментальную естественнонаучную процедуру, как наблюдение, поскольку наблюдающий искажает наблюдаемое. Во-вторых, созданию научной психологии мешает принципиальная невозможность применения в ней количественных математических методов исследования. В-третьих, «мрачный фон» для попыток создать научную психологию создает не решенная до сих пор проблема психофизического параллелизма. Единодушие Канта и Юнга в этих, а также многих других вопросах, касающихся изучения психики, несмотря на разницу во времени и принадлежности, казалось бы, к разным интеллектуальным традициям, поражает. Причем, если Кант в большей степени делал упор на теоретический аспект принципиальной несостоятельности психологии как точной науки, так как не мог наверняка знать, каких успехов достигнет человечество в преумножении знания в ближайшие 100–200 лет, то у Юнга была еще и возможность фактически убедиться в том, что, несмотря на многообещающие достижения экспериментальной психологии и оптимизм физиологов, нейрофизиологов, всевозможных сторонников редуктивизма и эпифеноменализма, их наработки, по крайней мере, пока не позволили поставить психологию на устойчивое, прочное научное основание.

Вместе с тем Кант и Юнг до конца не примирились с ясно осознаваемыми ими принципиальными ограничениями, не позволяющими психологии стать точной наукой. Да, пусть она никогда не будет настолько же однозначна, как механика и некоторые другие разделы физики, и ее язык невозможно на сто процентов формализовать – можно лишь предложить подобие формализации, как это впервые продемонстрировал Фехнер в «Элементах психофизики». Тем не менее естественнонаучный инструментарий с течением времени совершенствуется, открываются новые грани его применения, растет точность и сложность моделирования нелинейных процессов. В конечном итоге это может привести к тому, что все-таки будет открыт принцип, характеризующий связь материи и психики, а значит, появится возможность полного перевода языка наук о духе на язык наук о природе. И тогда начнется новая эра. Правда, до того как этот момент настанет, необходимо решить, насколько мы к этому готовы. Ведь когда душа перестанет быть загадкой, ничто не остановит тех, кто захочет воспользоваться точным знанием в корыстных целях.

Список литературы

Балановский, 2015а – *Балановский В.В.* Кантовский след в концепции К.Г. Юнга: зачем искать? где искать? // *Вопр. философии.* 2015. № 1. С. 150–157.

Балановский, 2015б – *Балановский В.В.* Решение проблемы психофизического параллелизма Н.Я. Гротом и К.Г. Юнгом // *Филос. науки.* 2015. № 12. С. 74–91.

Барabanщиков, 2011 – *Барabanщиков В.А.* Экспериментальный метод в психологии // *Экспериментальная психология.* 2011. Т. 4. № 1. С. 4–16.

Васильев, 2010 – *Васильев В.В.* Философская психология в эпоху Просвещения. М.: Канон, 2010. 520 с.

- Кант, 1994а – *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137–376.
- Кант, 1994б – *Кант И.* Метафизические начала естествознания // Там же. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 247–372.
- Кант, 1994в – *Кант И.* Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Там же. Т. 2. М.: Чоро, 1994. С. 41–84.
- Кант, 1994г – *Кант И.* Об органе души // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 219–224.
- Кант, 1999 – *Кант И.* Лекции по рациональной психологии («Метафизика L1») / Пер. В.В. Васильева // Историко-философский ежегодник '97. М.: Наука, 1999. С. 114–146.
- Кант, 2000 – *Кант И.* Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*) / Отв. ред. В.А. Жучков. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 752 с.
- Кант, 2006 – *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Ч. 1 (2-е изд. (В), 1787) / Подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Т.Б. Длугач, Б. Тушлингом, У. Фогелем. М.: Наука, 2006. 1081 с.
- Лейбниц, 1983 – *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. Т. 2 / Под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.
- Юнг, 1997 – *Юнг К.Г.* *Mysterium Coniunctionis* / Пер. О.О. Чистякова. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. 688 с.
- Юнг, 2008а – *Юнг К.Г.* Аналитическая психология и мировоззрение // Юнг К.Г. Структура и динамика психического. М.: Когито-Центр, 2008. С. 401–426.
- Юнг, 2008б – *Юнг К.Г.* О природе психического // Там же. С. 185–266.
- Юнг, 2008в – *Юнг К.Г.* О психической энергии // Там же. С. 11–82.
- Юнг, 2008г – *Юнг К.Г.* Основная проблема аналитической психологии // Там же. С. 381–400.
- Baumeister, 1789 – *Baumeister F.Ch.* *Institutiones metaphysicæ complectentes ontologiam, cosmologiam psychologiam theologiam denique naturalem methodo Wolfii adornatæ.* Venice: 1789. 452 p.
- Buchner, 1897 – *Buchner E.F.* *A Study of Kant's Psychology with Reference to the Critical Philosophy.* Lancaster: The New Era Print, 1897. 208 p.
- Fechner, 1860 – *Fechner G.T.* *Elemente der Psychophysik.* Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf und Härtel, 1860. 336 S.
- Giordanetti, Pozzo, Sgarbi (eds.), 2012 – *Kant's Philosophy of the Unconscious* / Ed. by P. Giordanetti, R. Pozzo, M. Sgarbi. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 2012. 336 p.
- Grau, 1922 – *Grau K.J.* *Bewusstsein, Unbewusstes, Unterbewusstes.* München: Rösl, 1922. 188 S.
- Grot, 1898 – *Grot N.* *Die Begriffe der Seele und der Psychischen Energie in der Psychologie* // *Archiv für systematische Philosophie.* 1898. IV. S. 237–335.
- Jung, 1980 – *Jung C.G.* *Address on the Occasion of the Founding of the C.G. Jung Institute, Zürich, 24 April 1948* // *Jung C.G. Collected Works, vol. 18* / Ed. by G. Adler and R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 471–477.
- Jung, 1982 – *Jung C.G.* *On Psychological Understanding* // *Jung C.G. Collected Works. Vol. 3* / Ed. by G. Adler and R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press, 1982. P. 179–196.
- Jung, 1992 – *Jung C.G.* *Letter to Kurt Plachte, 10 January 1929* // *Jung C.G. Letters Vol. 1: 1906–1950* / Ed. by G. Adler and A. Jaffé, trans. by R.F.C. Hull. London: Routledge, 1992. P. 59–62.
- Kant, 1821 – *Kant I.* *Vorlesungen über die Metaphysik: Nebst einer Einleitung, welche eine kurze Übersicht der wichtigsten Veränderungen der Metaphysik seit Kant enthält* / Hrsg. von K.H.L. Pölitz. Erfurt: Verlag der Keyserschen Buchhandlung, 1821. 344 S.
- Kant, 1902 – *Kant I.* 10. August. An Samuel Thomas Soemmerring // *Kant I. Gesammelte Schriften* / Hrsg. von der königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XII. Berlin: Verlag von G. Reimer, 1902. S. 30–35.
- Kant, 1903 – *Kant I.* *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft* // *Kant I. Gesammelte Schriften* / Hrsg. von der königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. IV. Berlin: Verlag von G. Reimer, 1903. S. 465–565.
- Kant, 1904 – *Kant I.* *Versuch den Begriff der negativen Größen in die Weltweisheit einzuführen* // *Kant I. Gesammelte Schriften* / Hrsg. von der königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. II. Berlin: Verlag von G. Reimer, 1905. S. 165–204.
- Kant, 1907 – *Kant I.* *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht* // *Kant I. Gesammelte Schriften* / Hrsg. von der königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VII. Berlin: Verlag von G. Reimer, 1907. S. 465–565.

Leibniz, 1921 – *Leibniz G.W.* Nouveaux essais sur l'entendement humain. Paris: E. Flammarion, 1921. 562 p.

Nicholls, Liebscher, 2010 – *Nicholls A., Liebscher M.* Introduction: Thinking the Unconscious // *Thinking the Unconscious: Nineteenth Century German Thought* / Ed. by A. Nicholls, M. Liebscher. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–25.

Platner, 1776 – *Platner E.* Philosophische Aphorismen – Nebst einigen Anleitungen zur philosophischen Geschichte. Bd. I. Leipzig: Schwickertscher Verlag, 1776. 432 S.

Wilber, 2000 – *Wilber K.* Integral Psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy. Boston: Shambhala, 2000. 303 p.

Wilson, 2006 – *Wilson H.L.* Kant's Pragmatic Anthropology: its Origins, Meanings, and Critical Significance. Albany: SUNY, 2006. 180 p.

Wolff, 1738 – *Wolff Ch.* Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, den Liebhabern der Wahrheit mitgetheilet. Frankfurt und Leipzig, 1738. 788 S.

I. Kant and C.G. Jung on Impossibility of the Scientific Psychology

Valentin Balanovskiy

PhD in Philosophy, Senior Research Fellow. Immanuel Kant Baltic Federal University; e-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

This study aims to show a similarity of Kant's and Jung's approaches to an issue of the possibility of scientific psychology, hence to explicate what they thought about the future of psychology. Therefore, the article contains heuristic material, which can contribute in a resolving of such methodological task as searching of promising directions to improve philosophical and scientific psychology. To achieve the aim the author attempts to clarify an entity of Kant's and Jung's objections against even the possibility of scientific psychology and to find out ways to overcome those objections in Kant's and Jung's works. The main methods were explication, reconstruction and comparative analysis of Kant's and Jung's views. As a result it was found, that Kant and Jung allocated one and the same obstacles, which, on their opinion, prevent psychology to become a science in the strict sense. They are: 1) coincidence of subject and object in psychology; 2) impossibility to apply quantitative mathematic methods in psychology; 3) pendency of the issue of psychophysical parallelism. However, Kant and Jung indicated ways to resolve formulated by them fundamental difficulties. All those ways lay through the searching a principle of interaction and connection between the psychic and the physical.

Keywords: Immanuel Kant, Carl Gustav Jung, science, empirical and rational psychology, analytical psychology, mathematic methods in psychology

References

Balanovskiy V.V. Kantovskii sled v kontseptsii K.G. Junga: zachem iskat'? gde iskat'? [Kantian Trail in the C.G. Jung's Conception: for What to Search? Where to Search?], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 1, pp. 150–157. (In Russian)

Balanovskiy V.V. Reshenie problemy psikhofizicheskogo parallelizma N.Ya. Grotom i K.G. Jungom [Resolving of the Issue of Psychophysical Parallelism by Nicolas Grot and C.G. Jung], *Filosofskie nauki*, 2015, no. 12, pp. 74–91. (In Russian)

Barabanschikov V.A. Eksperimental'nyi metod v psikhologii [Experimental Method in Psychology], *Eksperimental'naya psikhologiya*, 2011, vol. 4, no. 1, pp. 4–16. (In Russian)

Baumeister F.Ch. *Institutiones metaphysicæ complectentes ontologiam, cosmologiam psychologiam theologiam denique naturalem methodo Wolfii adornatæ*. Venice: 1789. 452 p.

Buchner E.F. *A Study of Kant's Psychology with Reference to the Critical Philosophy*. Lancaster: The New Era Print, 1897. 208 p.

Fechner G.T. *Elemente der Psychophysik*. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf und Härtel, 1860. 336 S.

Giordanetti P., Pozzo R., Sgarbi M. (eds.) *Kant's Philosophy of the Unconscious*. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 2012. 334 p.

Grau K.J. *Bewusstsein, Unbewusstes, Unterbewusstes*. München: Rösl, 1922. 188 S.

Grot N. Die Begriffe der Seele und der Psychischen Energie in der Psychologie, *Archiv für systematische Philosophie*, 1898, Bd. IV, S. 237–335.

Jung C.G. Address on the Occasion of the Founding of the C.G. Jung Institute, Zürich, 24 April 1948. In: C.G. Jung, *Collected Works*, ed. by G. Adler & R.F.C. Hull, vol. 18. Princeton: Princeton University Press, 1980, pp. 471–477.

Jung C.G. Analiticheskaya psikhologiya i mirovozzrenie [Analytical Psychology and Ideology]. In: Jung C.G. *Struktura i dinamika psikhicheskogo* [The Structure and Dynamics of the Mental]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2008, pp. 401–426. (In Russian)

Jung C.G. Analytical Psychology and Weltanschauung. In: C.G. Jung, *Collected Works*, ed. by G. Adler & R.F.C. Hull, vol. 8. Princeton: Princeton University Press, 1975, pp. 358–381.

Jung C.G. Basic Postulates of Analytical Psychology. In: C.G. Jung, *Collected Works*, ed. by G. Adler & R.F.C. Hull, vol. 8. Princeton: Princeton University Press, 1975, pp. 338–357.

Jung C.G. Letter to Kurt Plachte 10 January 1929. In: C.G. Jung, *Letters*, vol. 1: 1906–1950, ed. by G. Adler and A. Jaffé, trans. by R.F.C. Hull. London & NY: Routledge, 1992, pp. 59–62.

Jung C.G. Mysterium Coniunctionis. In: C.G. Jung, *Collected Works*, ed. by G. Adler & R.F.C. Hull, vol. 14. Princeton: Princeton University Press, 1977, 430 p.

Jung C.G. O prirode psikhicheskogo [On the Nature of the Psyche]. In: Jung C.G. *Struktura i dinamika psikhicheskogo* [The Structure and Dynamics of the Mental]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2008, pp. 185–266. (In Russian)

Jung C.G. On psychic energy. In: C.G. Jung, *Collected Works*, ed. by G. Adler & R.F.C. Hull, vol. 8. Princeton: Princeton University Press, 1975, pp. 3–66.

Jung C.G. On Psychological Understanding. In: C.G. Jung, *Collected Works*, ed. by G. Adler & R.F.C. Hull, vol. 3. Princeton: Princeton University Press, 1982, pp. 179–196.

Jung C.G. On the Nature of the Psyche. In: C.G. Jung, *Collected Works*, ed. by G. Adler & R.F.C. Hull, vol. 8. Princeton: Princeton University Press, 1975, pp. 159–236.

Kant I. 10. August. An Samuel Thomas Soemmerring. In: I. Kant, *Gesammelte Schriften*, hrsg. von der königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, Bd. XII. Berlin: Verlag von G. Reimer, 1902, S. 30–35.

Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. In: I. Kant, *Gesammelte Schriften*, hrsg. von der königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, Bd. VII. Berlin: Verlag von G. Reimer, 1907, S. 465–565.

Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya [Anthropology from a Pragmatic Point of View]. In: I. Kant, *Collected Works*, vol. 7. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 137–376. (In Russian)

Kant I. *Iz rukopisnogo naslediya (materialy k "Kritike chistogo razuma", Opus postumum)* [From the Manuscript Heritage (Materials to "Critique of Pure Reason", Opus postumum)], ed. by V.A. Zhuchkov. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 752 p. (In Russian)

Kant I. Kritik der reinen Vernunft. In: I. Kant, *Werke*. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe, Teilbd. 2.1 (2. Aufl. (B), 1787), hrsg. von N. Motroschilova, T. Dlugatsch, B. Tuschling, U. Vogel. Moskau: Nauka, 2006. 1081 S. (In Russian and German).

Kant I. Lektzii po ratsional'noi psikhologii ("Metafizika L1") [Lectures on Rational Psychology (Metaphysic L1)], trans. by V. Vasil'eva, *Istoriko-filosofskii ezhegodnik '97*. Moscow: Nauka Publ., 1999, pp. 114–146. (In Russian)

Kant I. *Metafizicheskie nachala estestvoznaniya* [The Metaphysical Foundations of Natural Science]. In: I. Kant, *Collected Works*, vol. 4. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 247–372. (In Russian)

Kant I. Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft. In: I. Kant, *Gesammelte Schriften*, hrsg. von der königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, Bd. IV. Berlin: Verlag von G. Reimer, 1903, S. 465–565.

Kant I. Opyt vvedeniya v filosofiyu ponyatiya otritsatel'nykh velichin [Essay on Introduction to the Philosophy of the Concept of Negative Values]. In: I. Kant, *Collected Works*, vol. 2. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 41–84. (In Russian)

Kant I. Versuch den Begriff der negativen Größen in die Weltweisheit einzuführen. In: I. Kant, *Gesammelte Schriften*, hrsg. von der königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften, Bd. II. Berlin: Verlag von G. Reimer, 1904, S. 165–204.

Kant I. *Vorlesungen über die Metaphysik: Nebst einer Einleitung, welche eine kurze Übersicht der wichtigsten Veränderungen der Metaphysik seit Kant enthält*, hrsg. von K.H.L. Pölitz. Erfurt: Recherschen Buchhandlung, 1821. 344 S.

Leibniz G.W. *Nouveaux essais sur l'entendement humain*. Paris: E. Flammarion, 1921. 562 p.

Nicholls A., Liebscher M. Introduction: Thinking the Unconscious. In: *Thinking the Unconscious: Nineteenth Century German Thought*, ed. by A. Nicholls, M. Liebscher. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 1–25.

Platner E. *Philosophische Aphorismen – Nebst einigen Anleitungen zur philosophischen Geschichte*, Bd. I. Leipzig: Schwickertscher Verlag, 1776. 432 S.

Vasilyev V.V. *Filosofskaya psikhologiya v epokhu Prosveshcheniya* [Philosophical Psychology in an Age of Enlightenment]. Moscow: Kanon Publ., 2010. 519 p. (In Russian)

Wilber K. *Integral Psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy*. Boston: Shambhala, 2000. 303 p.

Wilson H.L. *Kant's Pragmatic Anthropology: Its Origins, Meanings, and Critical Significance*. Albany: SUNY, 2006. 180 p.

Wolff Ch. *Vernünfftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, den Liebhabern der Wahrheit mitgetheilet*. Frankfurt und Leipzig, 1738. 788 S.

Jung C.G. O psikhicheskoi energii [On Psychic Energy]. In: C.G. Jung *Struktura i dinamika psikhicheskogo* [The Structure and Dynamics of the Mental]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2008, pp. 11–82. (In Russian)

Jung C.G. Osnovnaya problema analiticheskoi psikhologii [The Main Problem of Analytical Psychology]. In: C.G. Jung. *Struktura i dinamika psikhicheskogo* [The Structure and Dynamics of the Mental]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2008, pp. 381–400. (In Russian)